

Климент Александрийский

**Строматы, творение учителя церкви
Климента Александрийского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александрийский К.**
Строматы, творение учителя церкви Климента Александрийского / Климент Александрийский – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 480 с.

ISBN 978-5-519-89307-7

ISBN 978-5-519-89307-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нужно было бы стыдиться, — преподающимъ слово (ученіе) истины вѣрно (2 Тим. II, 15).

Итакъ въ отношеніи возвышенія слова (*) есть два рода вѣрныхъ; одни это дѣлають писательствомъ (**), другіе устно, живымъ голосомъ. И не оба ли эти рода вѣрныхъ достойны быть и принятыми (***), такъ какъ дѣятельнѣе вѣру любовью доказываютъ? Винѣ же того, кто лучшаго не сдѣлалъ выбора, Богъ не причастенъ. Посему призваніе однихъ возвышать ученіе жизни, чтобъ принесло оно плодъ, задача же другихъ доказывать цѣнность его самой жизнью. Рѣшеніе же, на сторону ли сего ученія вѣры стать или оное отвергнуть, зависить отъ избирающихъ. Двумя способами себя заявляетъ разумѣніе сего спасительнаго ученія; одинъ, это—публичное возвышеніе о немъ, другой нѣкотораго рода благовѣстническая жизнь, благотѣльность сего ученія собою на дѣлѣ доказывающая. Которымъ бы изъ двухъ этихъ способовъ на пользу сего ученія кто ни дѣйствовалъ, „жизнью или словомъ“, (Иліады I, 77), въ обоихъ случаяхъ ученіе то онъ поддерживаетъ и успѣхамъ его содѣйствуетъ. Потому что *спѣцій въ духъ отъ духа*

(*) Т. е. конечно христіанскаго ученія, называемаго такъ напр. Лк. I, 2; Мк. II, 2; Дѣян. IV, 4. Называется оно и *словомъ Божиимъ*, какъ въ Дѣян. VI, 2, 7; VIII, 14;—*словомъ Господнимъ*: Дѣян. XIII, 48, 49;—*словомъ благодати Господней*: Дѣян. XIV, 3;—*словомъ истины*: Еф. I, 13;—*словомъ истины евангельской*: Кол. I, 5;—*словомъ жизни*: Фил. II, 16;—*словомъ о спасеніи*: Дѣян. XIII, 26.

(**) Срав. Стром. IV въ гл. 17 и VI въ гл. 11.

(***) Т. е. хорошо, съ признаніемъ, съ одобреніемъ быть принятыми; такъ употреблено это слово 1 Тим. III, 3; V, 4;—похвалами и честію быть взысканы: Дѣян. XXIV, 3. Въ подобномъ смыслѣ употребляетъ это слово и Демосѣенъ напр. въ началѣ рѣчи «О союзѣ съ Александромъ»; тоже Платонъ въ Федонѣ: «Не считаю я себя стоящимъ сей похвалы» (ἀποδέχομαι). Сюесій: «Мы хвалимъ сего оратора» (ἀποδεχόμεθα). Подобное у Лисія, у Филона, у Полибія, у Юсіфа, у Евсевія.

пожнута жизнь вѣчную, добро же дѣлая, симъ да не утомляемся (Гал. VI, 8, 9; срав. Притч. XXII, 8; Рим. VIII, 13; Апок. II, 3; Евр. XII, 5, 12, 15). Тотъ, кого Божественное провидѣніе призвало заниматься дѣломъ проповѣди, становится при семъ обладателемъ величайшихъ благъ. Дѣйствуетъ онъ по принципу вѣры, въ гражданскую жизнь онъ приносить съ собою добрую волю, въ своей частной жизни онъ стремится къ простотѣ и естественности, къ непорочности; внутри себя онъ носитъ постоянное влеченіе къ изслѣдованію и изысканію, выслѣживая знаніе истинное; словомъ, пѣшетъ тотъ въ своемъ призваніи средства и случай къ спасенію (*). Тѣ же, кто такими благовѣстниками бывають паставляемы въ семъ спасительномъ ученіи честно и искренне, воспринявъ въ опомъ вспомогательныя для достиженія вѣчной жизни средства, воспаряють на небо. Слово достоудивительно прекрасное изрекъ о честныхъ проповѣдникахъ истиннаго ученія Апостоль. *Во всемъ*, говоритъ онъ, *мы оказываемся такими, какими быть подобаетъ слугителямъ Божиимъ. Будучи блдными, многихъ обогащаемъ; ничего не имѣя, оспмъ владѣемъ. Уста наши отверсты къ вамъ* (свободно мы высказываемъ свои требованія предъ вами) (2 Кор. VI, 4, 10, 11). *Заклинаю тебя*, говоритъ онъ въ посланіи къ Тимоѣю, (настоятельно прошу), *Бога во свидѣтели призывая и Христа Иисуса и избранныхъ* (досточтимыхъ) *Ангеловъ* и именемъ ихъ свидѣтельствуясь, что говорю истину: *сохрани это безъ предубѣжденія, ничего не дѣлая по пристрастію* (**) (1 Тим. V, 21). Необходимо та-

(*) Т. е. средства и случай къ спасительному освобожденію себя изъ рабскаго служенія нечестію (Лк. I, 71; Дѣян. VII, 25; Евр. I, 14) и счастливой безгрѣшной жизни на сей землѣ (Лк. XIX, 9; Дѣян. IV, 12; XIII, 26; XVI, 17; Рим. I, 16; X, 1, 10; XIII, 11; 2 Кор. I, 6; VI, 2; VII, 10; Еф. I, 13), но блаженной и за гробомъ (Фил. II, 12; 1 Сол. V, 8, 9; 2 Сол. I, 13; 2 Тим. II, 10; III, 15; Евр. II, 10).

(**) Т. е. ничего не дѣлая по нечистому раз-

кимъ образомъ, чтобы и тѣ и другіе испытывали себя; одни,—словомъ ученію вѣры способствующіе,—въ томъ, достойны ли они того и заслуживаютъ ли ихъ сочиненія того, чтобы быть имъ переданными въ потомство; другіе же,—ученіе вѣры выслушивающіе,—въ томъ, въ ту ли силу они его выслушиваютъ и вычитываютъ, въ какую говорится и пишется, и способны ли они къ правильному сужденію о немъ.

Конечно нѣкоторыми, по раздробленіи обычнымъ образомъ евхаристическаго хлѣба, допускается до участія въ таинствѣ весь народъ. Каждому при семъ позволяется брать его часть. Съ полнымъ ли и совершеннымъ вниманіемъ кто принимаетъ хлѣбъ сей или же онъ долженъ былъ бы отъ него отказаться, наилучшимъ свидѣтелемъ сего служить совѣсть. А для чистоты совѣсти благонадежною опорой состоятъ правая жизнь, согласующаяся съ таковымъ же ученіемъ. А къ уразумѣнію истинности ученія путь, это—слѣдовать другимъ, уже ранѣе насъ испытавшимъ на дѣлѣ истинность его; они же, въ совершенствѣ исполнившіе свои обязанности, могутъ быть для насъ примѣромъ и исполненія заповѣдей сего ученія. Такъ что *кто пстѣ хлѣбъ сей или пьетъ сію чашу Господню недостойно, виновенъ противъ тѣла и крови Господней. Да испытываетъ же человекъ себя и такимъ образомъ отъ хлѣба да пстѣ и пьетъ изъ чаши* (1 Кор. XI, 27, 28).

Тому, кто берется словомъ возвѣщать ученіе вѣры, посему слѣдуетъ обсуждать, изъ числа ли тѣхъ онъ, кои пользу ближняго при семъ имѣютъ въ виду. Онъ долженъ спрашивать самого себя: „Не изъ чванства ли онъ кинулся въ учительство или не изъ соперничества ли кому; а также, не изъ честолюбія ли онъ распространяетъ свое ученіе? Ставить ли онъ единственною себѣ наградой созиданіе слушателей; не льстить ли кому изъ нихъ? Избѣгаетъ ли онъ всякихъ поводовъ къ обвиненію

счету, изъ видовъ, по склонности или большей расположенности къ одной сторонѣ; а дѣйствуя по внутреннему убѣжденію.

его въ корыстолюбіи? Настолько ли онъ можетъ сознавать себя свободнымъ за всю предшествующую жизнь отъ сребролюбія и подкупности, чтобы его ученіе могло претендовать на значеніе монументальнаго литературнаго произведенія? Скорѣе не тарабарщина ли оно“? *Никогда*, говоритъ Апостоль, *мы не прибѣгли между вами, какъ сами знаете, къ слову льстивому, не дѣлали изъ своего служенія предлога къ удовлетворенію своего корыстолюбія: Богъ намъ въ томъ свидѣтель. Мы не искали славы отъ людей, ни отъ васъ, ни отъ другихъ. Мы въ качествѣ Апостоловъ Христовыхъ на васъ могли бы возложить заботу о своемъ существованіи. Но мы были кротки между вами, подобно какъ кормилица нѣжно обходится со своими дѣтьми* (1 Сол. II, 5—7).

Но по той же самой причинѣ (*) и расположенные къ принятію Божественнаго ученія должны тщательно беречься того плоскаго любопытства, которое въ города безцѣльно является и на городскія зданія безъ толку и безъ пользы для себя глазѣть; съ такими склонностями пусть никто къ намъ не приходитъ. А равнымъ образомъ никто сюда пусть не является по расчету и на нѣкоторыя земныя и преходящія выгоды, услышавъ, что люди, посвятившіе себя Христу, дѣлятся съ другими всѣмъ необходимымъ въ жизни. Это ханжество и кланье и говорить объ этого рода людяхъ здѣсь мы не будемъ. Если желаешь праведникомъ „не казаться лишь, а дѣйствительно имъ быть“, долженъ сознавать себя чистымъ и безупречнымъ и въ совѣсти (**).

Но такихъ немного. *Жатва обильна, а трудящихся мало. Молитесь посему слѣдуетъ, дабы являлось большее число дѣлателей* (Мо. IX, 37, 38; Лк. X, 2).

(*) Т. е. по обязанности преподавать слушателямъ лишь чистѣйшее ученіе и по чистѣйшимъ побужденіямъ.

(**) Намекъ на содержащееся въ трагедіи Эсхила «Семеро въ Ойвахъ» прославленіе, имъ сказанное объ Амфіарѣ: «Не повидимому только онъ жаждетъ наилучшимъ быть, но на самомъ дѣлѣ».

А воздѣлываніе поля церкви опять тоже двойко. Оно совершается двумя способами: одно при посредствѣ слова, не предаваемого письмени, другое при посредствѣ слова записаннаго. Но которымъ бы изъ двухъ этихъ способовъ дѣлатель Господень ни разсѣвалъ благородную пшеницу, какимъ бы изъ обѣихъ этихъ способовъ ни возвращалъ онъ пшеничные колосья, а равнымъ образомъ которымъ бы изъ нихъ, тѣмъ ли другимъ, ни доводилъ оные до зрѣлости, земледѣлатель истинно Божественный всегда объявится (*).

Забываетесь ли о пищѣ тѣлной, говоритъ Господь, *а о пищѣ пребывающей въ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 27). Питаніе же совершается чрезъ принятіе пищи вещественной и чрезъ сообщеніе спасительнаго ученія. Что касается послѣдняго рода питанія, то по истинѣ *блаженны миротворцы* (Мѣ. VI, 9), здравымъ ученіемъ ставящіе на истинныя стези путниковъ, блуждающихъ по сей жизни. Черезъ сообщеніе имъ сего ученія они освобождаютъ ихъ изъ мрака невѣдѣнія, проникаютъ ихъ миромъ, какой даруется Логосомъ, а чрезъ освоеніе съ жизнью согласною съ закономъ Божиимъ, т. е. чрезъ надѣленіе ихъ снмъ *глы-*

(*) «Воздѣлываніе церковной нивы при посредствѣ писательства, говоритъ Рейнезий, Var. lect. I. I, с. 22, тѣмъ производится, кто собираетъ и учитъ общество церковное писавіями; устнымъ же на семъ полѣ земледѣланіемъ заняты тѣ, кои людей въ благочестіи назидаютъ и къ Господу приводятъ живымъ голосомъ, устно или, — что еще лучше, — примѣромъ христіански-честной и святой жизни, воспитанностью въ строгихъ и достопочтенныхъ правилахъ жизни, каковыя развиваются напр. въ книгахъ *Педагога*, имѣвшихъ задачей пробужденіе въ катехуменахъ добрыхъ склонностей воли, образованіе дѣйствій и утишеніе страстей. И можетъ быть въ первенствующія времена церкви многіе въ виноградникъ Господа шли благодаря именно этому безмолвному земледѣланію и назидательности благочестивыхъ примѣровъ, нежели подъ вліяніемъ ученія, какое обыкновенно развивается людьми учеными».

бома небеснымъ (Іоан. VI, 32), они и насыщаютъ эти души, *алчущія правды* (Мѣ. VI, 6). Но есть и еще умы, питающіеся особой пищею. Это души, развитіе коихъ совершается подъ вліяніемъ познаній и наукъ. Другія же изъ умовъ этого послѣдняго рода питаются Греческой философійю, въ которой какъ и въ орѣхахъ однакоже не все съѣдобно.

Но и *слющій и поливающій* одинаково подъ Богомъ возвращающимъ ходятъ; и что касается служенія ихъ, то оба они *состоятъ однимъ и тѣмъ же*, т. е. слугами Божиими. *Награду же получитъ всякій смотря по труду, ибо мы Божіи соработники, а вы Божія нива, Божіе строеніе*, по Апостолу (1 Кор. III, 8, 9).

Но и это слушателямъ Божественнаго ученія не позволительно, чтобы они объ истинности его, достопочтенности и пріемлемости судили сравнивая оное съ другими ученіями. Ни передавать не слѣдуетъ сего ученія на обсужденіе людей, начиненныхъ всякаго рода чело-вѣческими знаніями. Ни доказывать оное не подобаетъ пухлыми силлогизмамъ, къ чему склонны люди, душа коихъ полна еще предзанятыхъ мнѣній и отъ нихъ не опростана.

Кто началомъ для своей жизни избираетъ вѣру, въ томъ готова уже твердая почва для принятія Божественнаго слова. Въ вѣрѣ онъ имѣетъ совершенно согласный съ основаніями разума критерій вещей; и изъ этого-то преизобильнаго источника у него проистекаетъ и развивается убѣжденіе. На такую-то именно прочность начала вѣры и годность ея крѣпкихъ основъ для созиданія на нихъ и указываетъ пророческое слово: *Если не узвруете, то и не уразумѣете* (Ис. VII, 9).

Итакъ доколь есть время, будемъ добро всѣмъ дѣлать, а наипаче своимъ по вѣрѣ (Гал. VI, 10). Каждый же изъ вѣрныхъ да поетъ съ благодареніемъ, повторяя слова блаженнаго Давида: *Окропишь меня тиссопомъ и чисто буду; меня омоешь и стану я бѣлье снѣга. Пошли мнѣ слышать радость и веселіе и возрадуются кости, Тобою пораженныя. Отверти лице Твое отъ грѣхъ моихъ и злодѣянія мои изгладь. Созиди во мнѣ, Боже, сердце чисто и внутри*

мнѣ даруй духъ новый твердый. Не отринь меня отъ Твоего лица и Духа Твоего Святаго отъ меня не отними. Утѣши меня опять Твоею помощію и духъ во мнѣ поддержи свободный радостный (Пс. L, 9—14).

Кто живымъ голосомъ говорить къ присутствующимъ, тотъ посему и отъ времени относительно своихъ слушателей ждетъ указаній, но и самъ своимъ сужденіемъ рѣшаетъ и отъ другихъ разузнаетъ съ точностію, кто изъ нихъ его способенъ слушать. Онъ вдумывается въ ихъ рѣчи, слѣдитъ за характеромъ, наблюдаетъ привычки, жизнь, движенія, манеры, взгляды, голосъ,—или говоря языкомъ образнымъ,—распутія, каменность почвы (Мѡ. XIII, 5), протоптанность пути, плодоносность почвы, лѣсистость мѣстности, легкородность почвы, годность ея для опредѣленныхъ растений, ея воздѣланность и какого рода посѣвы опа умножать можетъ.

Тотъ же, кто въ книгахъ себя передаетъ, претендующихъ на память въ потомствѣ, апеллируетъ къ самому Богу, своимъ литературными произведеніями какъ бы живымъ голосомъ взывая: „Не изъ за выгодъ, не изъ за тщеславія (Лк. XVIII, 11), не другой какою либо страстью побѣжденный, не изъ рабскаго страха и холопства, не удовольствіе свое преслѣдуя написать я это, а единственно благу читателей содѣйствуя, надеждою на оное живя и во всякомъ случаѣ на воздаяніе со стороны Того имѣющее воспослѣдовать, Кто обѣщалъ воздать дѣлателямъ платою достойною трудовъ ихъ“ (Лк. X, 7).

Христіанину же, въ реестръ мужей запесенному, въ списки людей зрѣлаго возраста и совершенства въ себѣ олицетворяющему, слѣдуетъ быть добродѣтельнымъ не изъ ожиданія награды, а единственно изъ любви къ Богу. Кто хвастается добромъ, какое сдѣлалъ онъ, тотъ за свое самовосхваленіе бываетъ лишаемъ награды. Исполняющій же какія бы то ни было изъ своихъ обязанностей изъ за вознагражденія или за точное исполненіе ихъ награды самъ ищущій или же свои обязанности непонимая изъ опасенія ихъ нарушителемъ

прослать и за неисполненіе ихъ карѣ и взысканію подвергнуться, развѣ не по духу сего міра дѣйствуетъ? Слѣдуетъ, насколько то возможно, Господу подражать. Кто волѣ Божіей содѣйствуетъ, тотъ *даромъ принявши даромъ и отдаетъ* (Мѡ. X, 8). Награду достаточно великую онъ получаетъ уже въ самомъ своемъ сознаніи, что въ качествѣ свободного гражданина онъ благородно исполняетъ по отношенію къ государству и обществу обязанности на немъ лежащія. *Добыча блудницы да не принимается во святилище* (Втор. XXIII, 2, 8), говоритъ Господь (*). Посему же запрещено было приносить на жертвенный алтарь вымѣнянное на собаку (**).

А если у кого душевное зрѣніе дурнымъ воспитаніемъ и ученіемъ притуплено, тотъ пусть слѣдуетъ тому ученію, при свѣтѣ коего вещи представляются въ истинномъ ихъ свѣтѣ; тотъ пусть провѣряетъ себя тѣмъ здравымъ и чистымъ ученіемъ свящ. Писаній, кои чрезъ законы написанные открываютъ законы и по естеству намъ свойственные. *Жаждающіе идите на воду*, говоритъ Исаія (LV, 1). И Соломонъ убѣждаетъ: *Ней воду изъ твоихъ источниковъ* (Притч. V, 15). Посему и Платонъ, ставшій философомъ благодаря Евреямъ (***), въ сво-

(*) Филонъ тоже толковалъ, что mercedem meretricis non esse inferendum in sacra.

(**) Т. е. писатель выводилъ изъ сихъ постановленій еврейскаго законодателя и связываетъ съ ними тотъ смыслъ, что по нечистымъ побужденіямъ написанныя и нечистыми мыслями проникнутыя литературныя произведенія критики времени и суда Божія не выдержатъ.

(***) Подобное въ кн. II-й въ концѣ гл. 1-й «Недагога»: «Платонъ, ревностию всѣхъ остальныхъ философовъ стремившійся къ истинѣ, блистаетъ въ своихъ твореніяхъ нѣкоторыми исрами еврейской философіи». Ниже писатель часто выражаетъ мысли и многими аргументами доказываетъ, что Платонъ и остальные греки почти всѣ свои ученія почерпнули изъ книгъ еврейскихъ. Минувцій въ «Октавіи»: «Примѣчаешь ли, что мы тоже говоримъ что и философы? Не то это значить, что мы идемъ

ихъ „Законахъ“ совѣтуетъ земледѣльцамъ не орошать полей водою къ нимъ искусственно чрезъ каналы приближенной, а равнымъ образомъ и у другихъ водою не заимствоваться, не попытавшись предварительно на своей собственной землѣ докопаться до слоя такъ называемаго дѣвственнаго (*); только земледѣльцу, нашедшему тотъ слой безводнымъ, позволить онъ искусственное своего поля орошеніе.

Несправедливо не оказать помощи душѣ смущенной, растерянной, пришедшей въ замѣшательство. Но не представляетъ собою дѣла достохвальнаго снабжать и лѣность вспомогательными средствами для достиженія успѣха(**). И Пинагоръ говорилъ, что если совершенно разумно пособлять кому нибудь въ поднятїи на себя тяжести, то изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, что помогать нужно тому и снять ее съ себя(***). Писаніе, воспламеняя искру, тлѣю-

по садамъ ихъ, но то, что относительно Божественныхъ постановленій ихъ разсужденія представляютъ отраженіе и заимствование мыслей пророческихъ». Противуположное сему говоритъ Лактанцій, lib. IV, сар. 2. Разумѣемое писателемъ мѣсто изъ De legibus Платона находится въ кн. VIII.

(*) У Платона: до глинозема. «О дѣвственной же землѣ» говоритъ Никандръ врачъ и поэтъ (ок. 150 г. до Р. Хр.) въ своихъ Alexipharmacis.

(**) Т. е. душѣ не чувствующей потребности въ спасительномъ ученїи навязываться съ нимъ. Плутархъ въ жизнеописанїи Солона: «Закономъ постановилъ: гдѣ есть общественный колодезь на разстояніе (отъ какаго либо дома) гиппика (четырехъ стадїй, или 500 шаговъ), позволяется пользоваться имъ; а если разстояніе до него отъ дома больше, то жителямъ рыть свой собственный колодезь; а еслибы роющіе не могли найти воды на глубинѣ 10 сажень, то имъ позволяется брать воду у соседа, но не болѣе какъ дважды на день, каждый разъ по 6 конгїевъ (конгїй=3 кружкамъ). Законодатель думалъ, что пуждѣ слѣдуетъ помогать, лѣности же поддержки не оказывать».

(***) Плутархъ lib. VIII, сар. 7 Symp.—Киріалъ: «Не лѣности слѣдуетъ содѣйствіе оказывать, а добродѣтели».

щую въ нашей душѣ, обращаетъ взоръ ея внутрь ея существа; подобно земледѣльцу при семъ оно конечно нѣчто и влагаетъ въ душу, но и наличное въ ней оно возбуждаетъ и то на высоту поднимается. Но много между нами, по Божественному Апостолу, немощныхъ и больныхъ и не мало умираетъ. А если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы (1 Кор. XI, 30, 31).

Литературное же это произведеніе не есть сочиненіе, написанное искусственно лишь для показности, нѣтъ. Оно представляетъ собою памятную книгу, есть лекарство памяти на старость. Въ ней собрано все достойное памяти. Она представляетъ собою правдивыя воспроизведеніе и очеркъ образцовыхъ мыслей, копїи были проникнуты удивительныя и свѣтлыя, оживленныя и жизненныя рѣчи мужей блаженныхъ и достопамятныхъ, слушанія которыхъ я удостоился. Изъ нихъ одинъ блисталъ въ Греціи, и именно въ Іонїи (Ахаїи), другой цвѣлъ въ великой Греціи. Одинъ изъ нихъ происходилъ изъ Келе—Сирии, другой изъ Египта. А еще другіе двое блистали на востокѣ; одинъ происхожденіемъ изъ Ассирїи, съ другимъ же познакомился я въ Палестинѣ и по рожденію онъ еврей былъ(*). Встрѣтился я съ нимъ лишь послѣ всѣхъ, но по духовнымъ способностямъ онъ первенствовалъ. На немъ-то успокоился я и съ удовольствіемъ остановился, поселясь въ Египтѣ и выслѣдивъ, что скрывается онъ здѣсь. Былъ онъ по истинѣ Сицилійскою пчелою(**). Съ пророческаго и апостольскаго луга сладость собирая, напечатлѣвалъ онъ въ душахъ слушателей мудрость нѣкоторую чистую и святую. Слушали они ученіе сіе, такъ осчастлививавшее ихъ и обогащавшее, непосредственно отъ святыхъ апостоловъ Петра, Іакова, Ио-

(*) Разумѣется Папентъ.

(**) Подобнымъ образомъ Ксенофонтъ называется «Аттическою пчелою». Лукрецій De rerum natura III, ст. 11, 12: «Какъ пчелы съ цвѣтоносныхъ мѣстностей все пробуютъ, такъ и мы всѣ золотыя изреченія усвоимъ».

анна и Павла (*). Будучи же ими принято отъ Апостоловъ, какъ сынъ принимаетъ наследство отъ отца (какъ немногіе изъ сыновей на отцовъ походятъ!), по Божію изволенію оно дошло и до насъ, запавъ въ нашей душѣ стѣнами, завѣщаннымъ намъ нашими предшественниками и Апостолами. И я увѣренъ, что мои слушатели восхитятся симъ. Не этому моему произведенію изъ за него самого, говорю, обрадуются, а тому единственно, что сохранено въ немъ преданіе.

Думаю, что именно душа, желающая неприкосновеннымъ сохранить блаженное преданіе, отражается въ слѣдующемъ изображеніи: *Мужъ любящій мудрость радуетъ Отца своего* (Притч. XXIX, 3). Колодцы, изъ коихъ воду постоянно берутъ, даютъ воду прозрачную; а вода тѣхъ, изъ коихъ никто не черпаетъ, портится (**). И желѣзо сохраняетъ блескъ благодаря лишь пользованію; оставленное же безъ употребленія оно покрывается ржавчиною. Скажу кратко: Совмѣстныя съ другими тѣлесныя и умственныя упражненія отзываются здоровьемъ и на тѣлѣ и на душѣ. *Никто не зажимаетъ свѣтильника за тѣмъ, чтобы его поставить подъ постелью, а ставитъ его на свѣчникъ, дабы свѣтилъ всѣмъ* (Мѡ. V, 15; Мк. IV, 29; Лк. VIII, 16; XI, 33) приглашеннымъ на ве-

(*) Упоминаетъ писатель лишь о сихъ Апостолахъ, ибо онъ вѣрилъ, что Спаситель только имъ сообщилъ непосредственно знаніе тайнъ, и именно такъ: тремъ первымъ до вознесенія, а Павлу послѣ оного. Въ посл. къ Кор. и къ Гал. Павелъ свидѣтельствуетъ, что всѣмъ тайнамъ христіанской религіи онъ наученъ самимъ Христомъ и остальнымъ Апостоламъ совершенно равенъ. Евсевій въ кн. II-й своей «Исторіи», гл. 1-й пишетъ: «Онъ же (Климентъ) въ 7-й кн. своихъ «Гипотипозъ» еще и это о немъ (объ Іаковѣ) говоритъ: «Послѣ воскресенія Господь сообщилъ Іакову, Іоанну и Петру знаніе (гносисъ). Они передали его остальнымъ Апостоламъ, а эти Семидесяти».

(**) Сравненіе употребляемое и св. Василиемъ въ письмѣ къ Евстаѣю. Тоже Филонъ въ кн. De gigantibus.

черю. Ибо что пользы въ мудрости, если она не умудряетъ того, кто внимаетъ ей? Но кромѣ того и Спаситель постоянно бодрствуетъ надъ сохраненіемъ преданія. Онъ *дѣлаетъ, какъ Отецъ видитъ дѣлающимъ* (Іоан. V, 17, 19). Уча другихъ мы большому еще сами научаемся (*); говоря съ внимающими намъ мы часто слушаемъ и сами. Господь одинъ (Мѡ. XXIII, 8) и тотъ же и для учащаго и для слушателя. Онъ—источникъ и ума слушателя и слова учителя. Да и не можетъ Господь нарушать, задерживать и подавлять непрерывность преданія. Для добра нѣтъ каникулъ, нѣтъ субботы (Мѡ. XII, 12; Лк. VI, 9).

Но позволяя допускать до участія въ Божественныхъ тайнахъ преданія и до пользованія святымъ опытомъ свѣтомъ тѣхъ, кои къ воспріятію опытныхъ способны, не масѣ слушателей открылъ Онъ то, что для пониманія большинства было и недоступно, а немногимъ (**), которымъ то приличествовало,—кои тѣ тайны могли принять и способны были къ отпечатлѣнію опытныхъ на сердцѣ своемъ (т. е. сохранить). А тайны эти, какъ и идея о Богѣ самомъ, передаются словомъ, а не на письмѣ.

А если кто возразитъ мнѣ отъ Писанія: *Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы и тайнаго, что не было бы узно* (Мѡ. X, 26), то пусть услышитъ тотъ и отъ насъ, что кто втайнѣ выслушиваетъ, тому тайное и открывается; тотъ открыто будетъ знать то, что состоитъ истинной сокровищью; и то что отъ многихъ утасно, будетъ немногимъ явлено. Ибо почему не всѣ люди познаютъ истину? И почему—это не всѣ любятъ праведность, если она есть общее всѣхъ достояніе? Тайны таинственнымъ образомъ и передаются, дабы передаваемое

(*) Блаж. Августинъ о себѣ, epist. 7, пишетъ: «Нахожу, что я изъ числа тѣхъ, кои пишутъ преуслѣвая и пища преуслѣваютъ».

(**) Стром. VI въ гл. 15-й: «Сказано было сіе вначалѣ только разумѣющимъ, такъ какъ Спаситель научилъ Апостоловъ. Потомъ не писанное преданіе, къ писанному отношеніе имѣющее, перешло и къ намъ».

было и на устахъ передающаго, а еще болѣе въ душѣ его, чѣмъ на устахъ. *А Богъ поставилъ церкви однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями для направленія святыхъ на дѣла служенія, на созиданіе тѣла Христова* (Еф. IV, 11, 12).

Знаю, что сей очеркъ моихъ воспоминаній слабъ по сравненію съ благодатнымъ онимъ духомъ, съ которымъ мы удостоены были соприкосновенія. Но кто тронуть будетъ опросомъ (*), въ представленіи того онъ будетъ не смотря на то вызывать и прототипъ. Ибо *мудрому ювори*, свидѣтельствуеъ Писаніе, *и онъ мудрые будетъ* (Притч. IX, 9) *и имлющему приумножится* (Мѡ. XXV, 29; XIII, 12; Мк. IV, 25; Лк. VIII, 18).

Однакоже сей очеркъ моихъ воспоминаній не обѣщаетъ быть полнымъ истолкованіемъ святыхъ нашихъ тайнъ; нѣтъ у насъ не только многихъ, но и никакихъ претензій на это; онъ выдаетъ себя лишь за напominаніе о тайнахъ на случай, еслибъ мы о нихъ забыли или-же чтобъ совѣмъ о нихъ не забыли.

Я хорошо знаю, что мои Воспоминанія эти не полны. Въ ихъ очеркъ многое не вошло. Время текло, а мы не пробовали записывать того, что теперь въ очеркъ сей могло бы войти, и такъ то совѣмъ забылось. Однакоже я употребилъ нѣкоторыя средства для составленія возможно подробнаго очерка. Имѣвшійся у меня письменный матеріалъ я раздѣлилъ на главы и благодаря этому средству много поваго въ памяти воспроизвелъ. Все-же осталось нѣчто, чего себѣ привести на память мы не могли, ибо духовная одаренность этихъ блаженныхъ мужей была велика. Такъ не вошло

(*) Оирсъ, это обвитый плющемъ и усяками виноградной лозы легкій посохъ, который посвященные въ культъ Вакха носили въ торжественныхъ процессіяхъ. Верхній конецъ увѣнчивался сосновой шишкой. Считался символомъ вакхическаго одушевленія. Нашъ писатель здѣсь называетъ симъ выраженіемъ благодать Святаго Духа, дѣйствующую въ вѣрующихъ.

въ этотъ очеркъ то, что изъ памяти нашей совѣмъ улетучилось, потому что не было то въ время малу помалу записываемо. Не вошло въ него и то, что въ самомъ умѣ потускло, ослабѣвъ въ воспоминаніи и почти угасши. Не легко сей трудъ воспроизведенія могутъ представить себѣ тѣ, кто трудности его самъ на себѣ не испыталъ. А нѣкоторыя вещи хотя и приходили мнѣ на память, но я намѣренно при передачѣ письмени ихъ опускалъ, излагая то лишь устно, боясь то записать, о чемъ и говорить остерегался; не изъ зависти,—что было бы грѣшно,—а изъ опасенія, чтобъ своихъ слушателей, могшихъ понять мои слова въ превратномъ смыслѣ, не ввести мнѣ въ заблужденіе и чтобы меня не обвинили въ томъ, что я, по пословицѣ, даю ребенку мечъ. Исчезнуть написанному безслѣдно невозможно, хотя бы оно и оставалось мною не изданнымъ въ свѣтъ. Написанное во всякое время можетъ быть воспроизведено, и притомъ въ однихъ и тѣхъ же звукахъ; т. е. что написано, то къ читателю ни о чемъ больше не говоритъ кромѣ какъ о написанномъ. По необходимости читатель здѣсь постоянно остается безпомощнымъ со стороны того, кто писалъ; не лѣзя бываетъ воспользоваться помощью и другаго кого либо, кто шелъ бы по слѣдамъ писателя. Нѣкоторыя вещи въ своемъ сочиненіи я буду проходить молчаніемъ и на нихъ только намекать. Но и изъ сихъ вещей на однѣхъ я буду нѣсколько останавливаться, другія же только ихъ именемъ напominать. Повидимому скрытничая, попытаюсь я однакоже симъ нѣчто раскрывать и прикрываясь покрываломъ таинственности нѣчто обнаруживать, молча показывать.

Мы приведемъ положенія извѣстѣйшихъ изъ ересей и противопоставимъ онимъ все, что домостроительски — благоупорядоченно и цѣлесообразно намъ было открываемо еще ранѣе созерцаній пророческихъ и что внутреннимъ знанію или созерцанію должно быть предпослано. За пеходный пунктъ для себя мы возьмемъ при семъ сотвореніе міра, а въ вожди себѣ выберемъ положенія достославнаго и священнаго преданія. И прежде всего, прежде

всякихъ разсужденій, мы противопоставимъ симъ ересямъ простое и безхитростное созерцаніе природы съ выводами, по необходимости изъ него слѣдующими. А что сему методу противорѣчить будетъ, то чрезъ заключенія тѣ устранять будемъ, чтобы какъ земледѣлецъ предварительнымъ отъ терній и разнаго рода сорныхъ травъ почвы очищеніемъ подготавливаетъ ее къ посадкѣ на ней виноградной лозы, такъ и намъ чрезъ подобное же дѣло подготовить умы къ припятию гностическаго преданія. Приготовленіе къ сраженію также есть сраженіе и ученіе, предшествующее тайнѣ сообщенію, также есть тайна (*).

Въ этихъ своихъ Мемуарахъ мы не побоимся сношеній и съ философами, а также позаимствуемся прекраснѣйшимъ и изъ другихъ подготавливательныхъ наукъ. Ибо разумно, какъ говоритъ Апостоль, *изъ за Евреевъ и подзаконныхъ дѣлаться не только Иудеямъ, но и Эллиномъ изъ за Эллиновъ, дабы приобрести (убѣждать) всѣхъ* (1 Кор. IX, 19, 20, 22). И въ посланіи къ Колоссянамъ онъ пишетъ: *Вразумляя всякаго человека и научая всякой премудрости, дабы всякаго человека содѣлать совершеннымъ во Христѣ* (Кол. I, 28).

Такъ какъ мое сочиненіе есть не иное что какъ Воспоминанія, то ему приличествуетъ характеръ нѣкотораго рода созерцательный. А сочиненіе здраваго ученія добрыми заимствованиями изъ другихъ полезныхъ наукъ не представляетъ ли собою нѣкотораго рода сходства

(*) Намекъ на Элевзинскія мистеріи Цереры. Желавшіе быть посвященными въ великія мистеріи готовились къ тому чрезъ посвященіе въ меньшія, кои были какъ бы предпочищеніемъ при вступленіи въ великія. Поэтому писатели часто мистеріями намекали на другія вещи. Такъ нѣкоторыя предварительныя занятія и знанія назывались малыми мистеріями, вводящими въ Платонову философію. Климентъ въ Стром. IV, гл. 1-й: «Тогда почти естественно переходимъ къ гностическому созерцанію природы, какъ еслибы чрезъ малыя мистеріи мы приняли посвященіе въ великія». Тоже Стром. VI въ гл. 11-й и VII, въ гл. 4-й.

съ приправами, какія бываютъ примѣшываемы къ пищѣ атлета? Не удовольствія ищетъ онъ въ приправахъ сихъ, а возбужденія хорошаго аппетита, имѣя въ виду стремиться къ славѣ. По крайней мѣрѣ пѣніемъ мы гармонично ослабляемъ слишкомъ сильную напряженность звуковъ нашего голоса. Но точно такъ же и желающіе обратиться къ народу часто пользуются герольдомъ, дабы слышнѣе провозгласить онъ обращеніе къ народу. Подобнымъ образомъ и мы поступаемъ въ семъ сочиненіи. Со своимъ словомъ мы обращаемся къ многочисленному народу, преднося ему твердое преданіе; поэтому приходится намъ пользоваться мнѣніями и языкомъ, кои онъ привыкъ слышать. Этимъ способомъ наши слушатели всего вѣрнѣе могутъ быть приведены къ истинѣ. Скажемъ все коротко въ одномъ словѣ: Какъ между многими малыми жемчужинами бываетъ только одна претличная; какъ въ уловѣ рыбы заразъ пойманной бываетъ только одна Товіева рыба (*): такъ время и трудъ открываютъ одну истину, особенно если найдешь хорошаго проводника. Именно чрезъ людей ниспосылаются намъ свыше важнѣйшія изъ благъ. Хотя и всѣ мы одарены зрѣніемъ, однакоже не всѣ смотримъ на предметы одинаково; на одинъ и тотъ же предметъ различныя люди смотрятъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Иной взглядъ на овцу бросаетъ поваръ и неодинаково съ нимъ на нее смотреть пастухъ. Одинъ освѣдомляется, жирна ли она; другой молоко овцы наблюдаетъ, жирно ли оно; одинъ доитъ ее, чтобъ сдѣлать изъ молока кушанье; другой съ нея шерсть стрижетъ, когда ему одежда нужна. Подобнымъ образомъ мы предстоимъ воспользоваться плодами Греческой философіи.

Не найдется, думаю, ни одной настолько счастливой книги, которая не встрѣчала бы возраженій и противорѣчій. Но конечно слѣдуетъ считать здравомысленной ту книгу, которая не встрѣчаетъ себя разумнаго противорѣчія.

(*) Καλλιχθους, callionymus, аиѳій, такъ называлась священная рыба, желчью которой были лечимы порѣзы и слѣпота; морской волкъ.

Не тѣ поступки и не то ученіе должны быть допущены, на которыя нападокъ не дѣлается, а тѣ, на которыя нападаютъ неразумно. Если кто нибудь первоначально не хочетъ чего либо сдѣлать изъ за самаго того дѣла, то еще не слѣдуетъ, что онъ вовсе уклоняется отъ того и что онъ какимъ нибудь случаемъ не будетъ вынужденъ къ исполненію того; если же онъ доведенъ будетъ до того, то значить привзошло тутъ нѣкотораго рода Божественное посредство, заставившее его всѣмъ обстоятельствамъ подчиняться и ко всякаго рода сщпленію жизненныхъ условій примѣняться. Кто живетъ добродѣтельно, тому не нуженъ болѣе путь къ добродѣтели; и кто чувствуетъ себя здоровымъ, тотъ не имѣетъ надобности укрѣплять свои силы. И какъ земледѣльцы сначала орошаютъ почву, а потомъ уже и засѣваютъ ее: такъ и мы тѣмъ, что есть у Эллиновъ добраго, орошаемъ земное у нихъ, дабы могла эта почва принять въ себя по ней разбрасываемое сѣмя духовное и чтобы могла она штать его. Поэтому-то въ этихъ книгахъ, называемыхъ Строматами, истина будетъ перемѣшана съ положеніями философовъ или лучше сказать будетъ показано, что эти положенія философовъ содержатъ истину, но такъ лишь, какъ орѣховой скорлупой содержитсяъ сѣдобное ядро. Сѣмена же истины (т. е. чистыя) сохранять призваны, по моему мнѣнію, лишь воздѣлыватели нивы вѣры.

Не безызвѣстно мнѣ ученіе, нѣкоторыми по невѣжеству очень превозносимое, будто слѣдуетъ заниматься вещами лишь самыми необходимыми; таковы первоначальныя положенія вѣры; ученія же внѣшнія (*), намъ чуждыя и сей часъ ненужныя, слѣдуетъ будто бы преходить молчаніемъ, потому что они будто бы лишь утомлять насъ будутъ и притомъ совершенно понапрасну и отвлекать насъ къ трудамъ, не

(*) Однакоже это въ противорѣчіи сказано съ Постановленіями Апостольскими кн. I, гл. 6: «Ото всѣхъ языческихъ книгъ воздерживайся». Срав. примѣч. Котелерія къ этому Постановленію.

имѣющимъ отношенія къ дѣлу спасенія (*). Иные же утверждаютъ, что философія проникла въ жизнь людей лишь на горе и на гибель имъ и что она измышлена нѣкимъ коварнымъ выдумщикомъ (**). Но я покажу, что всякое ехидство представляетъ собою по самой природѣ своей нѣчто злое и что такой земледѣлецъ ничего добраго произвести не въ состояніи. Во всѣхъ этихъ книгахъ своихъ Строматъ я дамъ понять, что философія также есть дѣло нѣкоторымъ образомъ Божественнаго промышленія.

2. Отвѣтъ на упрекъ нѣкоторыхъ, за чѣмъ онъ внесъ въ свои сочиненія столько заимствованій изъ Греческой философіи.

А касательно внесенія въ эти Памятныя Записки, когда то необходимо было, положеній Эллинскихъ ученыхъ, людямъ, находящимъ удовольствіе все порицать, я отвѣчаю слѣдующее. Впервыхъ еслибы даже и пустою болтовней была Греческая философія, то полезно бы ей ни на что непригодность доказать, но уже изъ за этого одного она представляла бы собой нѣчто дѣльное. Далѣе не имѣютъ права осуждать Эллиновъ тѣ, кои въ ихъ ученія не проникаютъ далѣе голыхъ фразъ, на посильномъ же раскрытіи состоятельности сихъ ученій не останавливаются. Но достойно полнаго довѣрія лишь то разслѣдованіе, которое производится апостеріорически; эта апостеріоричность представляетъ собою послышки, дающія право и на основательнѣйшій выводъ. Кромѣ того есть множество вещей, которыя непосредственно хотя и не способствуютъ достиженію

(*) Эта тирада, быть можетъ, болѣе шла бы къ настоящему положенію богословской науки въ православной Русской церкви.

(**) т. е. діаволомъ. Въ Стром. VI, гл. 17-й: «Неужели же не нелѣпо, приписывая діаволу, произведеніе безпорядковъ и несправедливостей, ему же приписывать внушеніе столь прекрасной вещи какъ философія? Срав. еще Стром. V въ гл. 1-й и Стром. I въ гл. 17-й.

цѣлей преслѣдуемыхъ истиннымъ ученымъ, все-же относятся къ свойствамъ его.

Къ тому же многоученость писателя, цитующаго главнѣйшія изъ философскихъ положеній, заставляетъ слушателей убѣждаться, разсудительно съ писателемъ соглашаться; такой методъ, производя удивленіе въ наставляемыхъ, пробуждаетъ въ нихъ къ истинному учению дружественную расположенность. Такое радованіе душъ прелестями и блесками изъ другихъ наукъ сообщаетъ и съ ихъ точки зрѣнія учению твердость и достовѣрность; души же любознательныя и ученія жаждующія этимъ методомъ доводимы бываютъ до принятія той самой истины, которой ранѣе сами же упорно противились и ее хулили.

Это обстоятельство свидѣлствуетъ, что философія сама въ себѣ вовсе не вліяетъ гибельно на человѣческую жизнь и что не она причиной возникновенія ложныхъ мнѣній и дурныхъ дѣлъ, какъ нѣкоторые клеветаютъ на нее, но что она состоитъ очевиднымъ и воплощеннымъ образомъ ученія истиннаго, — даромъ, который Эллинамъ ниспосланъ отъ Бога. И отъ вѣры она не отвлекаетъ насъ, какъ еслибъ это какія чары были какого-то волшебнаго искусства; напротивъ, мы ограждаемся философіей какъ бы нѣкимъ прочнымъ оплотомъ, открывая въ ней нѣкотораго союзника, совмѣстно съ которымъ и обосновываемъ потомъ нашу вѣру. Черезъ сравнительное между собой сопоставленіе двухъ находящихся во взаимной связи ученій, выработанныхъ же на путяхъ противоположныхъ (*), истина выясняется полнѣе и глубже, а отсюда проистекаетъ и болѣе совершенное ея выслѣживаніе и обрѣтеніе. Не изъ за нея самой посему философія привлекается нами въ сѣи изслѣдованія, а изъ за плодовъ, проистекающихъ для насъ изъ сего рода знанія; знаніе вещей, постигавшихся человѣческимъ умомъ, утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что держимся мы въ своемъ ученіи истины.

(*) «Противнымъ особенно естественно противное дознавать», говорилъ Филонъ.

Умалчиваю о томъ, что сѣи книги Строматъ по содержанію потому многообразны и потому соединяютъ въ одно цѣлое различныя ученія, что имѣютъ задачей тщательную охрану сѣмянъ познанія. Какъ страстный охотникъ, напавши на слѣдъ дичи, ее отыскавъ, увидѣвъ, на нее собакъ спустивъ, наконецъ ее беретъ, подобно этому и истина, если кто долго ея искалъ и только послѣ трудовъ открылъ, того осчастлививаетъ.

Итакъ почему же намъ угодно было такъ поставить дѣло въ сихъ нашихъ Памятныхъ Запискахъ? Причина та, что весьма опасно дѣйствительное значеніе истинной философіи безразсудно профанировать, (—вмѣсто того, чтобы назидательность ея сердцемъ усвоить, публично ее на смѣхъ поднимать) (*), какъ тѣ это дѣлаютъ, кои—черезчуръ ужъ тароватыми будучи на различныя оскорбительныя рѣзкости—всему любятъ противорѣчить, въ раздраженіи и безъ соблюденія всякой благопристойности забрасываютъ васъ всякаго рода словами и фразами, но этимъ и себя самихъ обманываютъ, но и другихъ, ими привлекаемыхъ на свою сторону, обмороачиваютъ. Ибо, какъ говоритъ Апостолъ, (только) *Евреи чудеса требуютъ, а Еллины мудрости ищутъ* (1 Кор. I, 22).

§3. Противъ софистовъ и пустомель, хвастающихся совершенно бесполезнымъ знаніемъ.

Многочисленна толпа людей этого рода. Одни изъ нихъ, удовольствіямъ преданные, не желая ни во что вѣрить, издѣваются надъ спасительнымъ ученіемъ, достойнымъ всякаго почитанія, давая ему прозваніе варварскаго ученія (**). Нѣкоторые же изъ нихъ превозносятся и усиливается изобрѣтать различныя клеветы

(*) Ἐξερχόμεθα, тайны природы обнажать, надъ вещами священными глумиться. Срав. въ «Увѣщаніи» въ гл. 12-й наш. перевода въ столб. 174 примѣч. 2-е и въ «Педагогѣ» кн. III, гл. 3 столб. 260.

(**) Ссылаясь на варварство, т. е. на невѣжественность христіанскаго ученія или на его для разума неудобовѣроятность.